

**Услужение как моральная обязанность
и предмет художественного осмысления
в современной жизни и в искусстве**

Приглядевшись к мировой литературе, можно сделать вывод, что слуга – явление не только социальное, но и национальное. Во французской литературе есть хитроумный Фигаро, дающий отповедь не отягощенному моралью графу Альмавиве: «Ежели принять в рассуждение все добродетели, которых требуют от слуг, то много ли найдется господ, достойных быть слугами?»;¹ в американской – черный дядюшка Питер, единолично управляющий жизнью белых хозяев, либо Мамушка, выросшая на коврикe в хозяйской спальне и по такому праву третирующая и опекающая Скарлетт на протяжении всей жизни. У нас есть старик Савельич, а также лакей Хлестакова Петрушка, – такой же никчемный, как и его господин. Никто, однако, так не славен своей исключительной толковостью и манерами, как английский дворецкий, образ которого просочился в отечественную культуру не столько благодаря литературе, сколько ее экранизациям: сначала народ полюбил Бэрримора, быстро ставшего героем анекдотов. Потом, когда широкой публике был представлен Дживс,² его встретили, как родного. По отношению к юному Вустеру Дживс исполняет роль силы практически ангельской: он обо всем осведомлен, все предвидит и способен спасти хозяина как из-под колес автомобиля, так и от нежелательной женитьбы. И хотя сам Вустер, его друзья и родственники без Дживса практически никуда, социальное разделение сохраняется: камердинера, ставшего лучшим другом семьи, не сажают за стол – он всегда удаляется в комнату для слуг, и всегда является оттуда, обогащенный многочисленными полезными сведениями. В этом нет ничего унижительного: Дживс зарабатывает себе на жизнь таким способом и, как всякое занятие, должность камердинера почтенна и требует к себе уважения.

Любовь русского народа к английским дворецким получила неожиданное продолжение в образе англизированного Константина из «Моей прекрасной няни», сериала, авторы которого не толь-

ко воспользовались уже сформированными культурными стереотипами, но и поспособствовали выработке нового взгляда на явления современной действительности, в частности на услужение как род занятий.

В связи с чем хотелось бы рассмотреть два вопроса:

1) слуга и мораль;

2) слуга как член семьи (современная отечественная версия).

По каким-то непонятным причинам исторически от слуг требовали не столько идеального исполнения служебных обязанностей, сколько нравственности даже более высокой, чем у обслуживаемых господ, что и вызвало вышеупомянутую реплику Фигаро.³ Возможно, это остатки патриархальных семейных отношений, вроде тех, что описаны в родном «Домострое», когда глава дома и семьи был обязан контролировать и поведение, и духовную жизнь всех домочадцев ради спасения их души. Вероятно, М.Фуко был прав, когда не признавал заботу о доме и семье разновидностью «заботы о себе»;⁴ во всяком случае, забота о моральном облике слуг как возможный раздел экономики оказалась гораздо устойчивей эпимелеи.

Первые подобию профессиональных этических кодексов, появляющихся в России с конца XVIII века,⁵ призваны регулировать как раз поведение слуг как «при исполнении», так и в рекреационное время (причем больше ни для кого ничего подобного не пишут и не печатают аж до начала XX века, когда появляются две книги, посвященные профессиональной этике – одна для чиновников,⁶ другая для инженеров⁷). Нравственные обязательства слугам втолковывают таким же образом, каким М. Лютер объяснял смысл разделения на профессии: «Каждый человек обязан верно служить Богу и ближнему. И чем лучше это исполняет он, тем способнее бывает побеждать окружающие его искушения. <...> 7. Будьте скромны в своем поведении и вежливы во всех ваших поступках. Это и вам необходимо и хозяевам приятно. 8. На вопросы старайтесь отвечать всегда без грубости и с видом ласковым и покорным. Это не тяжело, а между тем очень благоугодно и Богу и всякому владеющему вами человеку».⁸ Однако эти требования следует соблюдать не только и не столько в личных интересах, сколько в интересах господ: беречь хозяйское добро, чтобы «ни Бог, ни люди не взыскали с вас за расточительность»; утром вста-

вать как можно ранее и скорее приниматься за работу, ибо напрасная потеря времени невозвратна; стараться заслужить доверие господ своих, чтобы не было грешно и стыдно и т. д.

Слуга как член семьи. Этот пункт должен быть связан с предыдущим, и, если принять во внимание патриархальную семью и ее последующую эволюцию, то слуга должен перестать быть таковым. В XX в. у нас институт слуг практически умер (хотя всякий раз, когда в советских мемуарах упоминаются домработницы или няни, их упоминают с теплом, благодарностью и любовью; семейственность отношений возобновилась уже на принципах личной привязанности). Однако последние два десятка лет он активно восстанавливается и, более того, слуга как существенный персонаж в жизни господина обретает свое место в современном искусстве. Не так давно авторы журнала «Сеанс» подробно рассмотрели вопрос под рубрикой «Новый герой. Слуга»⁹ в зарубежном и отечественном (от «Дома на Трубной» до «Моей прекрасной няни») кино. Речь шла, скорее, не о новизне темы, а о воспроизведении кинематографом некоторых сюжетных схем, повторяющихся в разных национальных культурах и в разные исторические периоды. Что касается советского кино, то показательным оказывается описанное Гусевым колебание: прислужой оказывается то юная выходца из деревни («Светлый путь», 1940), то пожилой осколок погибшего прошлого («Весна», 1947) – в зависимости от того, насколько близким ощущается построение коммунизма. Когда коммунизм далеко – на экране юные девушки, способные переменить судьбу и сделать карьеру; когда коммунизм «приближается» – пожилые женщины, которым некуда уйти из суррогатной семьи¹⁰. Нечто близкое по смыслу можно прочесть у А. Солженицына «В круге первом»: две девочки-башкирки, прислуживающие в семействе прокурора Макарыгина, «были довольны своей службой здесь и надеялись... подзаработать и одеться так, чтобы выйти замуж в городе и не возвращаться в колхоз».¹¹ То есть, в реальной жизни возможная карьера советских домработниц, скорее всего, выглядела иначе, чем в кино.

Итак, «Моя прекрасная няня» оказалась этапным произведением современного массового искусства. Возможно, возраст и социальные перспективы героини свидетельствуют о состоянии капитализма в современной России, как когда-то свидетельствовали

они о состоянии социализма: мы все еще строим его, и завершающий этап по-прежнему далеко. «Моя прекрасная няня» так повлияла на незрелые умы, что стала, фактически, основоположницей нового рабочего движения: «тысячи хорошеньких провинциалок устремляются в окрестности Рублевки с целью не столько поступить в услужение, сколько внедриться в один из тамошних домов. Напрасно агентства по найму светской рабочей силы предупреждают: шансы прислуги выйти замуж за хозяина практически равны нулю».¹² Похоже, что цель и задача данного сериала и ему подобных («Кто в доме хозяин») – формирование у зрителя представления о том, что отношения прислуги и хозяина совершенно фамилльярны, и что венец карьеры слуги – вступить в брак с работодателем. Искать причину в американском происхождении образца бессмысленно. В американском кино (в отличие от телесериалов) тема взаимоотношений хозяев и слуг далеко не всегда раскрывалась подобным образом, идея социальной дистанции сохранялась – от «Сестры его дворецкого» (1943), у которой роман с хозяином, потому что она певица, а не потому что горничная, до «Дневников няни» (2007), в котором главная героиня борется за звание человека, а в то же время не только собственная работодательница третирует ее, но и родная мать презрительно бросает: «Не для того я давала тебе образование, чтобы ты стала прислугой». Хозяйка потом перевоспитывается и пишет бывшей няне дружеское письмо – но та уже оставила данный род деятельности, так что ни о каком преодолении социальных барьеров речь в действительности не идет.

Между тем сериалы из жизни господ и слуг ориентированы на тот круг зрителей, из которого слуги вербуются. Настоящие хозяева высказываются по поводу прислуги не особенно доброжелательно и тем более не жаждут становиться со своими домработницами на короткую ногу (сцена из «Casual» О. Робски, где богатые дамы, лежа расслабленно вокруг бассейна, жалуются друг другу, что домработницы воруют то кроликов, то шейные платки, и как было бы хорошо с воспитательной целью напустить на них бывшего майора РУБОПа Борисыча¹³). Настоящие слуги крайне редко получают возможность высказаться, и они также не особенно жаждут фамилльярности с хозяевами – по причине наличия чувства собственного достоинства и ради взаимного удобства.¹⁴ Таким об-

разом, сериалам нечего противопоставить, и они с успехом выполняют свою социально-эстетизирующую функцию: повысить престиж профессии среди потенциальной прислуги, но отнюдь не сформировать представления ни об обязанностях, ни о профессиональной этике, ни о профессиональном этикете, так что впору вновь выпускать листовки, подобные «Правилам для слуг и служанок», с рекомендациями помнить свое место,¹⁵ потому что это «и вам необходимо, и хозяевам приятно».

¹ Бомарше П.О. Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность // Бомарше П.О. Избранное. М., 1997. С. 42.

² Известен он стал, как и положено теперь, не столько благодаря романам П. Г. Вудхауза, сколько благодаря экранизации Р. Янга «Дживс и Вустер» 1990–1993 гг.

³ Ср. у Г. Флобера: «Почтенная дама, вспыхнув, заявила, что только безнравственные люди не следят за нравственностью слуг» (Флобер Г. Госпожа Бовари. Воспитание чувств. М., 1971. С. 182).

⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982, выдержки // Социологос. М., 1991. С. 290–291.

⁵ Лафатер Нравоучительные наставления слугам с присовокуплением добрых советов. СПб., 1799.

Внуман А. Наставления, полезные для слуг, которые также не будут бесполезны и для хозяев. СПб., 1799.

Правила для слуг и служанок. СПб., 1857.

⁶ Минский Н. И. Как двигаться по службе. Заповеди чиновникам. СПб., 1913.

⁷ Осадчий П. К вопросу о принципах профессиональной этики инженеров. СПб., 1911.

⁸ Правила для слуг и служанок. СПб., 1857.

⁹ Дроздова М. Толчая прототипов. // Сеанс. 2006. № 27/28. С. 199–203.

Манцов И. Хозяин и слуга. // Сеанс. 2006. № 27/28. С. 204–207. Гусев А.

Слуга. История вопроса // Сеанс. 2006. № 27/28. С. 208–222.

¹⁰ Гусев А. Указ. соч. С. 222.

¹¹ Солженицын А. В круге первом. Книга II. // Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т. 2. М., 1991. С. 83.

¹² Макаров А. Наука угождать. Известия. 3 ноября 2007. (<http://www.izvestia.ru/comment/article3110217/>).

¹³ Робски О. Casual. М., 2005. С. 65–66.

¹⁴ Например, рассказ уборщицы Татьяны Викторовны: убирая 6 дней в неделю два дома и 8 квартир, она всегда носит с собой специальную одежду, в которой производит уборку, никогда не убирает, если хозяев дома нет, не допускает фамиллярности с хозяевами, не сюсюкает с детьми и домашними животными (Левина А., Иванова Е. Пыльная работа. Новая газета. 10 марта 2005).

¹⁵ «—Фраза "господ у нас нет" у многих впитана с молоком матери, — поясняет психолог кадровой компании Елена Строителева. — Наши люди редко умеют держать дистанцию. Домработницы обижаются, если хозяйка указывает им на плохо вымытый унитаз. А няни, например, очень часто начинают чувствовать себя полноправными членами семьи и лезть с советами. У нас был случай, когда молоденькая 25-летняя мама пришла к нам с просьбой повлиять на гувернантку. Женщина была в два раза старше работодательницы и через некоторое время начала называть ее на ты и Оленькой, демонстративно поджимая губы на замечания. Когда мы с ней попытались поговорить, няня искренне недоумевала: а что такого?» (Гранина Н. «Я им чо, в служанки нанималась?» В столице прошла первая ярмарка вакансий для домашнего персонала // Известия 18 апреля 2008. <http://www.izvestia.ru/moscow/article3115396/>).